

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

*Материалы Международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
Михаила Петровича Грязнова*

Книга I

Санкт-Петербург
Издательство Государственного Эрмитажа
2002

копьеметания – вот далеко не полный список предположений. Сторонники второй малочисленной группы, исходя из дефицита используемого сырья, тщательности отделки, семантической сложности орнаментации и наличия зоо- и антропоморфных экземпляров, говорят о культовой принадлежности изделий, видя в них подобие антропоморфных статуэток, изображений рыб и других ритуальных символов, используемых в промысловой и производственной магии.

На основании анализа всех факторов, связанных с кругом исследуемых предметов, можно предложить компромиссное соединение мнений из обеих групп с доминантой культовой составляющей. Морфология большинства «утюжков», и особенно их реалистических экземпляров, связана с символикой Великой Богини-Матери, ее всепорождающей функцией в любых проявлениях первобытной повседневности. Опираясь на этнографию, можно предположить, что одной из основных «производственных» задач этих священных орудий было именно изготовление сакральных фетишей Богини из пучков обработанных палочек-прутьев, связок бахромы из ремней либо костяных поделок. Ритуальная практика требовала постоянного возобновления изделий, отсюда и сработанность проточин, поэтому лесная зона, с иным кругом верований и их материальным воплощением в деревянной резной скульптуре,

почти не имеет «утюжков». Символ Великой Богини мог освящать производство и применение оружия, процессы добывания огня и приготовления ритуальной пищи, мог соединять утилитарное и духовное.

В Западной Европе и Средиземноморье, где находки «утюжков» единичны, в неолите либо доминируют каменные, глиняные и костяные женские идолы, имеющие иногда поперечные проточины, либо развивается культ лабриса – символа Великой Богини, как на Крите, с иными обрядами почитания.

Сравнительно быстрое повсеместное исчезновение «утюжков» в начале бронзового века, возможно, связано с распространением новой идеологии скотоводческих племен, с преобладанием солярных мужских божеств с почитанием оружия-фаллоса, символом которого становится сверленный топор. Рудименты былых верований можно увидеть в стремлении снабдить сверленный топор проточиной на обушке, в орнаментах на отдельных экземплярах и в убогих дериватах «утюжков», изредка встречающихся в погребениях курганных культур. Процесс изготовления священных пучков-факелов, наряду с изготовлением стрел, вышел из сферы домашнего производства и стал осуществляться на ином уровне и иными инструментами, хорошо известными исследователям бронзового века.

А.А. КОВАЛЕВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ КОМПЛЕКСА ФОРМ БРОНЗОВЫХ ЛЕЗВИЙНЫХ ИЗДЕЛИЙ ДРЕВНЕГО КИТАЯ (ЭПОХА СЯ-ШАН)*

Сходство форм ряда категорий металлического инвентаря Центральной равнины и «северной зоны» обычно обсуждается в общем контексте вопроса о происхождении древнекитайской металлургии и цивилизации Китая в целом [Варенов, 1993]. Материалы раскопок на территории Северного и Западного Китая позволяют четко выявить в инвентаре памятников эпохи Шан среднего и позднего периодов артефакты инокультурного происхождения, оказавшиеся на Центральной равнине как военные трофеи либо импорты. Большинство таких предметов относится к кругу памятников XIV–XII вв. до н. э., для которых типичны втульчатые топоры (клевецы) с выступом на обушке, кинжалы с пластинчатой гардой и плоской рукоятью, дугообразнообушковые и выгнутообушковые ножи с выделенной гардой без подрезки и уступа у основания лезвия. Эти памятники китайскими и рос-

сийскими исследователями отнесены к различным культурам, однако нам представляется, что пока можно территориально и хронологически очертить только комплекс указанных форм в целом, который мы обозначаем условным названием «культура Чаодаогу».

Кроме этого, инородными для собственно «китайских» памятников эпохи развитой бронзы можно считать бронзовые зеркала с центральной петелькой, втульчатые секиры и бронзовые ножи, имеющие такие характерные для синхронных культур Саяно-Алтая признаки, как подрезка, грибовидное либо кольцевое с тремя выступами на вершине [У Энь, 1985; Линь Юнь, 1987; 1990; Варенов, 1987; 1996; Kovalev, 1992; Linduff, 1995; 1996; Wu En, 2001]. Количество находок таких артефактов в памятниках Центральной равнины и предметов «шанских» типов в памятниках «северной зоны» позволяет нам разделить мнение китайских ученых о том, что в XIV–XII вв. до н. э. на территории современного Китая проходил активный процесс взаимного влияния «северных» скотоводческих и земледельческих культур [Линь Юнь, 1987,

*Настоящая статья представляет существенно переработанный вариант доклада на конференции по археологии Аньяна в 1998 году [Ковалефу, 1998].

с. 155–156; 1990, с. 42]. Однако это ни в коем случае не дает ответа на вопрос о происхождении тех видов и типов артефактов, которые характеризуют собственно древнекитайскую культуру эпохи бронзы.

Для прояснения вопроса о внешних факторах формирования комплекса форм орудий Древнего Китая необходимо выделить специфические и устойчивые черты формы отдельных категорий предметов, характерных для культуры Центральной равнины в эпоху Ся-Шан, отличающие их от ведущих типов артефактов всех синхронных пограничных культур, и затем найти те же признаки в едином культурном контексте, датирующемся заведомо более ранним временем. При этом очевидно, что заимствование отдельных передовых технологий либо наиболее эффективных категорий орудий не может само по себе означать присутствие на Центральной равнине многочисленной группы мигрантов, непосредственно принявших участие в формировании древнекитайской цивилизации (согласно модели, сконструированной Л.С. Васильевым [1976, с. 318–321]). Напротив, факт комплексного восприятия населением Древнего Китая инородного набора признаков, не связанных с идеей технического прогресса, вплоть до бывших даже своеобразным атавизмом в контексте культуры-«донора», но ставших ведущими в шанской культуре, может указывать на глубочайшие структурные связи этих культур, которые возможны только при непосредственном включении коллектива – носителя инородной традиции – в систему древнекитайского общества.

С этой точки зрения целесообразно рассмотреть вопрос о происхождении комплекса лезвийных орудий шанского Китая – в «аньянский период», поскольку об этом периоде в нашем распоряжении имеется богатый статистический материал.

Два ведущих вида иньских лезвийных орудий – копьё и кельты (в том числе долота) с тонкостенными слепыми втулками, появляющиеся в памятниках Центральной равнины не ранее времени верхнего слоя Эрлиган [Хаяси Минао, 1972, с. 104–107, 139–151; Варенов, 1989а; Чжу Фэнхань, 1995, с. 262–264, 299–302], несомненно, имеют внешние корни. В соответствии с идеей М. Лера, поддержанной впоследствии С.В. Киселевым и высказанной в работах Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, а также Л.Дж. Фицджеральд-Хубер [Loehr, 1956, p. 41–43; Киселев, 1960, с. 264; Черных, Кузьминых, 1989, с. 257–259; Fitzgerald-Huber, 1995, p. 40–52], распространение этих видов лезвийных орудий в Древнем Китае связано с сейминско-турбинской традицией. Недавняя находка огромного (61,5 см длиной) литого «постсейминского» бронзового наконечника копья с крюком-багром типа «ростовкинских» в комплексе культуры Цицзя в Цинхае, могильная (?) яма Н74 на памятнике Шэньна, Синин

(рис. 1, 16) [Хай Дуаньчжи, 1994, с. 138], подтверждает предположение о раннем проникновении на Центральную равнину именно сейминско-турбинских технологий [Debaine-Francfort, 2001, S. 63]. Этот наконечник осмотрен нами в Институте археологии и культурного наследия Цинхая весной 2000 г. Он отличается от сейминско-турбинских тем, что вместо «вилки» центральный стержень его пера снабжен гребнем, идущим от втулки; те же признаки имеет ряд заведомо более поздних, чем сейминско-турбинские, наконечников копий «самусьско-кижировского типа» [Черных, Кузьминых, 1989, с. 157, 158, рис. 81]; совершенно ясно, что эту находку нужно использовать для датировки соответствующего этапа культуры Цицзя исходя из даты могильника Ростовки в качестве *terminus post quem*, а не для обоснования глубочайшей древности появления технологии бронзового литья в Цинхае («до 2000 года до н. э.»!), как это делает М. Вагнер [Wagner, 2001, S. 54]. В то же время иньские орудия с тонкостенными втулками не имеют таких специфических черт, как «ребра жесткости» кельтов, вильчатость стержня пера наконечников копий и другие, обязательность которых для сейминско-турбинской атрибуции артефактов подчеркивается в литературе [Черных, Кузьминых, 1989, с. 38, 65]. Так что появление в материальной культуре иньского Китая этих новых видов орудий может быть следствием диффузии передовых технологий и само по себе не проясняет интересующий нас вопрос.

Еще один вид лезвийных орудий, распространяющийся в иньское время – ножи с выгнутой спинкой (по всей длине либо в пределах рукояти – и те и другие будем называть далее выгнутообушковыми), при этом часто с оттянутым кончиком лезвия, ребром жесткости, идущим по спинке, с уступом при основании лезвия, и преимущественно – с кольцевым навершием (рис. 2, 3) [Ли Цзи, 1949, с. 28–38; Хаяси Минао, 1972, с. 167–193; Чэнь Чжэнчжун, 1985, с. 75–76; Ли Вэймин, 1988; Цзи Найцзюнь, 1994; Кун Дэмин, Чжан Сяоцин, 1995, с. 107, рис. 9, 10]. Форма изогнутого ножа с уступом и кольцевым навершием быстро становится ведущей в культуре и удерживается в течение более полутора тысяч лет, приобретая в том числе и чисто символическую функцию [Хаяси Минао, 1972, с. 179–193]. При этом необходимо отметить, что иньские мастера отливали выгнутообушковые ножи вместе с бронзовой рукоятью. Об этом говорит и орнаментация этих рукоятей, и их форма. Большинство ножей шанского производства – в том числе практически все, относящиеся к культуре Эрлитоу (рис. 1, 14, 15) и периоду верхнего слоя Эрлиган, которые имеют прямой либо вогнутый обушок, преимущественно снабжены плоским прямым черенком для крепления к деревянной рукояти [Ли Цзи, 1949, с. 30–34, рис. 26, 27, табл. XXI–XXII;

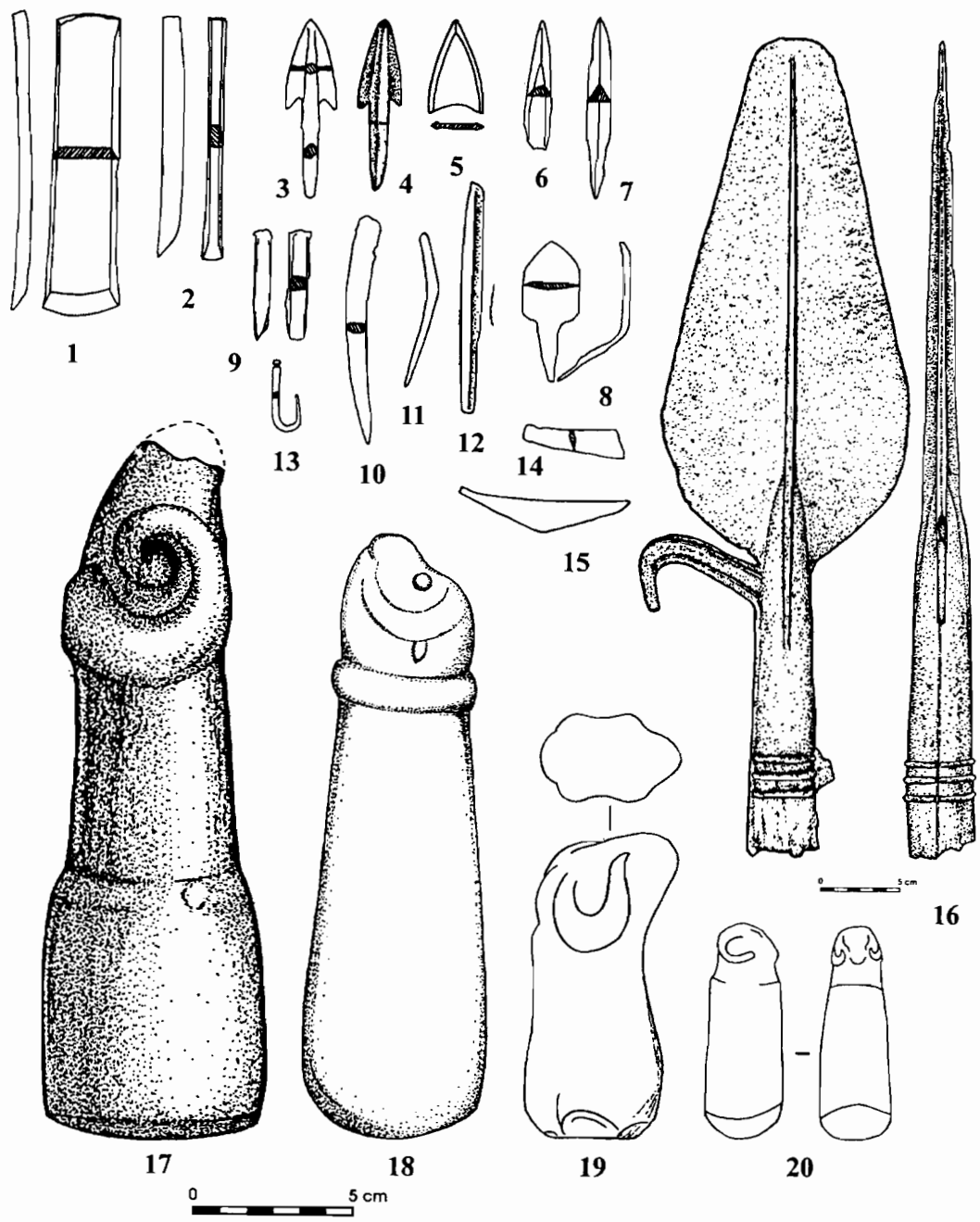

Рис. 1. Археологические материалы эпохи Ся-Шан и их параллели из степей Евразии:

- 1-15 – поселение Эрлитоу (1, 2 – бронзовые тесло и долото, раскоп 8, 3-й период;
 3, 6, 8 – бронзовые наконечники стрел, раскоп 5, 4-й период; 4 – бронзовый наконечник стрелы, раскоп 5;
 5 – каменный наконечник стрелы, раскоп 5, 4-й период; 7 – костяной наконечник стрелы, раскоп 5, 4-й период;
 9 – бронзовое долото, раскоп 5, 4-й период; 10 – бронзовое шило, раскоп 5, 4-й период;
 11, 12 – бронзовые шилья, раскоп 5; 13 – бронзовый рыболовный крючок, раскоп 5, 4-й период;
 14 – бронзовый нож, раскоп 5, 4-й период; 15 – бронзовый наконечник копья, Шэньна, яма Н74;
 17 – каменный пест, Иссык, Республика Казахстан; 18 – каменный пест, Кобдоский аймак, Монголия;
 19 – каменный пест, Минусинская котловина; 20 – каменный пест, поселение Эрлитоу, раскоп 5, 4-й период, VT12A3:1

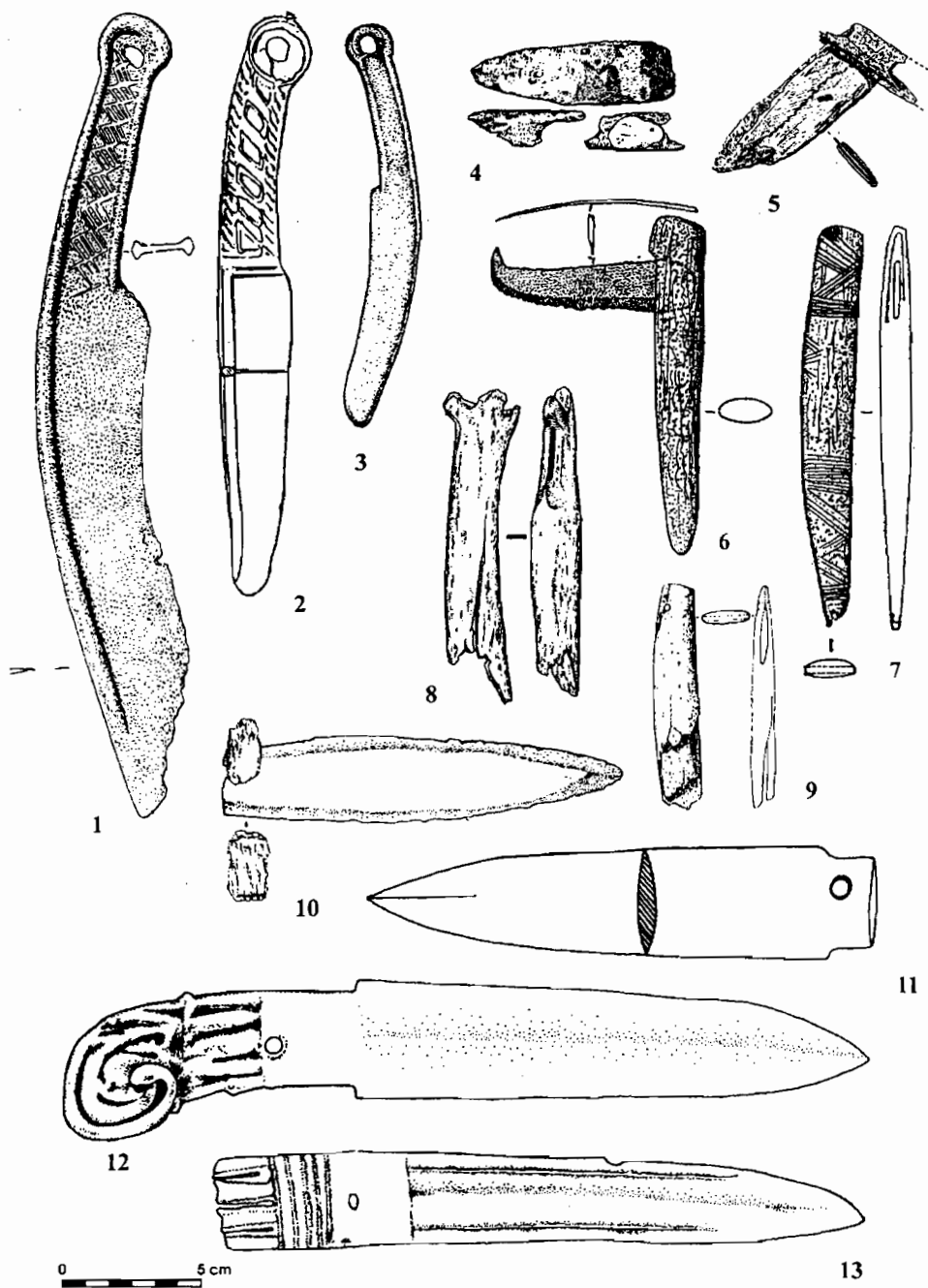

Рис. 2. Археологические материалы эпохи Ся-Шан и их параллели из степей Евразии (продолжение):
 1 – бронзовый нож, мог. Ростовка, квадрат Д-17; 2 – бронзовый нож, поселение Эрлитоу 3, могила М2;
 3 – бронзовый нож, иньское городище, Аньянский музей, № 0460;
 4–6 – бронзовые острия с костяными рукоятями, мог. Ростовка (4, 5 – м. 4, 6 – м. 20);
 7–9 – костяные рукояти для бронзовых острий, мог. Ростовка (7 – м. 33, 8 – м. 1, 9 – м. 8);
 10 – бронзовое острие с остатками деревянной рукояти, мог. Ростовка, могила 8;
 11 – нефритовый клевец, поселение Эрлитоу; 12 – бронзовый клевец, поселение Эрлитоу, раскоп 6, 3-й период;
 13 – бронзовый клевец, поселение Эрлитоу, раскоп 3, 3-й период

Хаяси Минао, 1972, с. 168, рис. 232, 235–240, 242–243, 245, 265–268, 271–275; Ли Вэймин, 1988, с. 42–43, рис. 1–20; Кун Дэмин, Чжан Сяоцин, 1995, с. 107, рис. 7; Чжу Фэнхань, 1995, с. 302–303, рис. 4 (21, 51, 52), 10 (4, 8)].

Представляется, что эти различия носят слишком принципиальный характер, чтобы предполагать генетическую связь обоих видов орудий. В то же время нельзя считать форму выгнутообушковых ножей заимствованной у носителей пограничных скотоводческих культур в иньское время. Во-первых, бронзовые ножи северных и северо-западных соседей иньцев – носителей культуры Чаодаогуо, – в том числе найденные в иньских комплексах, отличаются, как уже говорилось, обязательным наличием выступающей гарды и отсутствием выраженного уступа у основания лезвия. Во-вторых, ни на одном ноже, бесспорно изготовленном на Центральной равнине, не обнаружено таких характерных для центральноазиатских культур эпохи поздней бронзы признаков, как три выступа на кольцевом навершии и подрезка. В-третьих, наиболее древний литой нож, имеющий все указанные характерные признаки иньских выгнутообушковых с уступом (рис. 2, 2), найден в могиле М2 раскопа 3 в Эрлитоу [Эрлитоуская..., 1983, с. 201, 202, рис. 10 (9)], которая относится к третьему периоду эрлитоуской культуры (не позже начала XVI века до н. э. [Цзоу Хэн, 1980, с. 129–138]), т. е. к гораздо более раннему времени, чем датированные комплексы культуры Чаодаогуо и вообще какие-либо датированные ножи с выгнутой спинкой на территории Китая.

Единственным культурным контекстом, где мы можем обнаружить бронзовые ножи с выгнутым обушком, уступом и усиленной спинкой, датированные при этом первой половиной II тыс. до н. э., оказываются памятники той же сейминско-турбинской общности, к которым относятся не менее девяти таких предметов и двух (четыре?) каменных форм для их отливки [Черных, Кузьминых, 1989, с. 117–124, рис. 66–68; Матющенко, Синицына, 1988, с. 30–31, 40, рис. 38 (3), 49 (2)] (рис. 2, 1). В том числе три ножа, обнаруженные в памятниках восточной зоны сейминско-турбинской области (Ростовка, Цыганкова Сопка), имеют небольшое кольцеобразное навершие с едва намеченным отверстием, как и нож из Эрлитоу [Черных, Кузьминых, 1989, с. 122, рис. 68 (1–3)]. Орнамент на рукояти эрлитоуского ножа имитирует обмотку ее тонким ремешком. Имитация обмотки представлена и на ножах из Сеймы и Ростовки [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 66 (2, 3)]. На рукояти ножа, представленного в литой форме с Иртыша вместе с типичным сейминско-турбинским кельтом [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 18 (2)], нанесены насечки, что также аналогично ножу из Эрлитоу. Начиная с Ф.А. Теплоухова [1892, с. 55],

исследователи связывали происхождение этих предметов с Сибирью либо с Западным Алтаем [Бадер, 1964, с. 149–150; Черных, Кузьминых, 1989, с. 249–250].

Особенности, сближающие рассматриваемые древнекитайские предметы и совокупность сейминско-турбинских ножей с выгнутой спинкой, в основном трудно отнести к функционально обусловленным.

Наиболее специфическим и характерным видом лезвийного оружия Древнего Китая являются клеветы «гэ» – плоские танговые дулезвийные орудия, вставлявшиеся перпендикулярно в прорезь деревянной рукояти. Судя по археологическим данным, этот вид оружия появляется внезапно, на позднем этапе культуры Эрлитоу – раннем периоде культуры эпохи Шан. Поиски прототипов танговых клевет в материале неолитических культур Китая пока не дали результатов. Автохтонные гипотезы, трактующие о происхождении клевет от неолитических каменных орудий, были подвергнуты обоснованной критике [Варенов, 1989, с. 21–23].

Очевидно, что при решении вопроса о исходных формах этого вида оружия необходимо установить наиболее раннюю форму бронзовых клевет. Это можно попытаться сделать двумя способами: на основании анализа форм или древнейших бронзовых предметов, или каменных клевет эпохи Шан, являвшихся в основном ритуальными предметами и в этом качестве, возможно, «законсервировавшими» признаки бронзовых «предков» (о назначении и датировке каменных клевет см. у А.В. Варенова) [1989, с. 17–21]. В данном случае нам могут помочь материалы поселения Эрлитоу.

Наиболее ранними бронзовыми клеветами, обнаруженными в слоях третьего периода эрлитоуской культуры, были два обоюдоострых орудия без зубчиков «чи», один из которых имел изогнутый обушок, а другой – прямой (рис. 2, 12, 13) [Эрлитоуская..., 1976, рис. 3 (2, 3); Цзоу Хэн, 1980, рис. 21 (3, 4); Чжу Фэнхань, 1995, с. 596, рис. 9 (5, 6)]. Бронзовые клеветы более поздней культуры Чжэнчжоу (Эрлиган) отливались с зубчиками и изогнутым обушком [Чжу Фэнхань, 1995, с. 256–261, 605–621]. Что же касается каменных клевет (рис. 2, 11), то, начиная с эпохи Эрлитоу, они отличаются редким единообразием: это заостренные орудия с параллельными лезвиями, отделенными небольшими уступами от черенка, вставлявшегося в рукоять. Зубчиков они не имеют [Варенов, 1989, с. 17–21]. А.В. Варенов совершенно справедливо сделал вывод о происхождении этих, в основном ритуальных, предметов от бронзовых прототипов. Однако их появление на раннем этапе формирования древнекитайской цивилизации одновременно с началом освоения бронзового литья показывает, что копировать они должны были именно наиболее древние бронзовые клеветы. Таким образом, можно с большой вероятностью за-

ключить, что самые древние бронзовые клевцы на Центральной равнине имели форму, аналогичную традиционным каменным орудиям такого рода, – без зубчиков и изогнутого обушка.

После этого заключения невозможно пройти мимо поразительной аналогии древнейшей формы китайских клевцов и двулезвийных бронзовых орудий, около сотни экземпляров которых обнаружены в памятниках сейминско-турбинской общности [Черных, Кузьминых, 1989, с. 91–99]. Эти предметы также имеют небольшие уступы на переходе к короткому черенку. Сейминско-турбинские орудия обычно определяются как ножи, т. е. как лезвия, закреплявшиеся в рукояти продольно. О.Н. Бадер реконструирует метод такого крепления по находкам в Турбинском могильнике лезвий с хорошо сохранившимися остатками деревянной рукояти [Бадер, 1964, с. 82–83, рис. 75, 76]. Видимо, именно такие лезвия с продольной деревянной рукоятью воспроизводят целиком бронзовые «кинжалы», обнаруженные в европейских памятниках [Черных, Кузьминых, 1989, с. 108–111, рис. 62, 63]. В то же время обращает на себя внимание зачастую слишком малая длина череновой части, не позволяющая эффективно использовать такие «ножи» для резания, что заметно также и на орудиях с прилитой бронзовой рукоятью. Специфичность их именно для сейминско-турбинской культурной традиции, которая вряд ли может быть объяснима техническим совершенством, подчеркивается фактом находок в сейминско-турбинских комплексах обоюдоострых ножей с гораздо более рациональным длинным узким черенком, попавших сюда из абашевской, срубной либо андроновской среды [Черных, Кузьминых, 1989, с. 101–102]. О традиционности этих изделий говорит и особое оформление бронзовых рукоятей некоторых из них (Сейма, Пермь, Галичский клад), изготовленных явно для использования в ритуальных целях.

В восточной зоне, с которой Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых связывают происхождение сейминско-турбинского феномена, таких пластинчатых «ножей» с бронзовыми рукоятями пока не обнаружено. Однако материалы могильника Ростовка показывают еще один способ крепления этих орудий. При раскопках могилы 4 был обнаружен типичный небольшой бронзовый нож, вставленный в костяную рукоять перпендикулярно [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 10, рис. 11(4)] (рис. 2, 4, 5). Осмотр сохранившихся фрагментов этого изделия, предпринятый нами в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (МАЭС ТГУ), подтвердил сведения авторов публикации о перпендикулярности рукояти к лезвию «ножа», а также показал, что череновая часть была вставлена на краю рукояти так, чтобы она не выступала за пределы кости. Использовать такое орудие для резания или скобления боковыми лезвиями по

меньшей мере неудобно. Скорее, оно могло служить в качестве чекана-пробойника либо для прорезания чего-либо кончиком лезвия. Аналогичную конструкцию имеет изделие из могилы 20 [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 29–30, рис. 35 (1)] (рис. 2, 6), однолезвийность которого дала возможность для сопоставления его с составными ножами, у которых клинок вставлен в костяную рукоять под тупым углом, а также с соответствующими цельнометаллическими коленчатыми ножами более позднего времени [Черных, Кузьминых, 1989, с. 105]. Однако строгая перпендикулярность рукояти отличает ростовкинский экземпляр от указанных ножей, что, как уже говорилось, указывает на различие функций этих орудий.

В Ростовкинском могильнике обнаружены еще три костяные рукояти, предназначенные для такого же перпендикулярного скрепления с бронзовыми лезвиями. Две из них (из могил 33 и 8) опубликованы (рис. 2, 7, 9) [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 16, 47, рис. 17(2), 67(3)], еще одна (из могилы 7) обозначена в публикации как «рукоять» со знаком вопроса [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 14]; осмотр этой последней рукояти в МАЭС ТГУ показал ее полную аналогичность остальным (рис. 2, 8). Из всех ростовкинских костяных рукоятей четыре (из могил 4, 7, 8, 20) предназначены для крепления небольших острий, череновая часть которых имеет ширину около 2 см, а в рукоять из могилы 33, длиной около 18 см, могло, видимо, вставляться лезвие с черенком, имеющим ширину более 3 см и относящееся, по классификации Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, к «длинным» экземплярам [1989, с. 92, рис. 50].

К сожалению, сохранившиеся остатки деревянных рукоятей на изделиях из Ростовкинского могильника, как правило, счищены при реставрации, однако в МАЭС ТГУ сохранились фрагменты дерева, снятого при раскопках с крупного «ножа» из могилы 8, который был обнаружен *in situ* [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 15–17, рис. 15, 16]. Предпринятая нами попытка восстановления первоначального положения этих фрагментов привела к выводу о наиболее вероятном перпендикулярном креплении рукояти (рис. 2, 10). «Нижний» фрагмент дерева сохранил характерный вдавленный след от черенка, а восстановить расположение «верхних» фрагментов помогает след бронзовых окислов от кончика шила, лежавшего рядом с «ножом». Наш вывод не может считаться окончательным, если учитывать современное состояние находки, однако сделанные наблюдения указывают на необходимость хорошей фиксации и детального анализа таких остатков деревянных рукоятей.

Таким образом, хотя бы часть двулезвийных пластинчатых острий, относящихся к сейминско-турбинской общности, могла крепиться к рукояти перпендикулярно и использоваться в качестве пробойников. Это позволяет

сопоставить их с шанскими клевцами, наиболее ранние из которых, как уже говорилось, имели совершенно аналогичную форму. Интересно, что ряд наиболее ранних каменных клевцов имеет очень короткий черенок, который не мог выступать за пределы рукояти [Эрлитоуская..., 1975, с. 305–306, рис. 4(7)] (рис. 2, 11), а на некоторых каменных и бронзовых клевцах показаны поперечные линии [Цзоу Хэн, 1980, рис. 21(4), табл. 2; Варенов, 1989, рис. 5 (11, 13)] (рис. 2, 13), совершенно аналогичные бороздкам или желобкам на сейминско-турбинских кинжалах с прилитой рукоятью [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 62, 63].

Займствование (если оно имело место) столь оригинального вида лезвийных орудий вряд ли могло иметь какие-либо рациональные основания, особенно если учитывать повсеместное распространение в эпоху Шан на территориях, окружающих Центральную равнину, таких альтернативных видов оружия, как втульчатый топор и кинжал.

Последний вид бронзовых лезвийных орудий Древнего Китая, который использовался в качестве вооружения, – бронзовые наконечники стрел – имел, видимо, местные корни. Наиболее ранние находки бронзовых наконечников, относящиеся к четвертому периоду культуры Эрлитоу [Эрлитоуская..., 1965, с. 222, табл. 5 (9); Лоянская..., 1974, с. 240, рис. 3 (4)] (рис. 1, 3, 4), копируют каменные (рис. 1, 5) и костяные экземпляры. Поскольку каменные наконечники использовались в основном с бамбуковыми древками, то для их закрепления требовалась заостренная деревянная палочка, в один конец которой вставлялся наконечник, а другим концом она закреплялась в древке. На деревянной палочке оформлялся упор, позволявший утолщить ту ее часть, в которую должен вставляться наконечник. Бронзовые наконечники из Эрлитоу точно воспроизводят форму такого комбинированного каменно-деревянного наконечника. Кстати, тем же объясняется и то, что наиболее древними бронзовыми наконечниками являются, вопреки мнению эволюционистов [Варенов, 1989, с. 37–40], именно наконечники с упором. Таким образом появились бронзовые двухлопастные черенковые наконечники, ставшие ведущим видом этих орудий в Древнем Китае [Ли Цзи, 1949, с. 54–58;

Варенов, 1989, с. 30–40; Чжу Фэнхань, 1995, с. 275–277]. Еще один бронзовый наконечник из Эрлитоу (рис. 1, 6), скопирован с неолитического костяного, также вставлявшегося в бамбуковое древко (рис. 1, 7), а другой (рис. 1, 8) представляет раскованную (?) металлическую пластину, пригодную только для деревянного древка, что может указывать на его инородное происхождение [Эрлитоуская..., 1974, с. 240, рис. 3 (5, 6)]. Эти последние формы не получили развития в эпоху Шань.

Если исходить из вышеизложенного, то вполне может оказаться, что весь комплекс наступательного вооружения иньской культуры, за исключением наконечников стрел, повторяет комплекс сейминско-турбинских лезвийных орудий. Это с точки зрения названных критериев позволяет предположить присутствие многочисленной группы сейминско-турбинского населения на Центральной равнине на этапе формирования шанской цивилизации.

Эрлитоуская культура еще не дает нам сложившегося комплекса этих форм. Металл использовался здесь в основном для производства ритуальных предметов и орудий труда [Чжу Фэнхань, 1995, с. 596] (рис. 1, 1, 2, 9–15). Независимо от решения вопроса об истоках металлургии Эрлитоу находка здесь литого изогнутого бронзового ножа с кольцевым навершием (рис. 2, 2) говорит о непосредственном соприкосновении этой культуры с носителями традиций «евразийской» металлургической провинции. В пользу этого вывода свидетельствует и обнаружение в слое третьего периода культуры Эрлитоу вотивной (?) копии типичного орудия «евразийского» металлурга – каменного песта с головой барана (рис. 1, 20) [Эрлитоуская..., 1974, с. 239–240, рис. 4 (14)], близкие аналогии которому происходят с Монгольского Алтая, из Сибири и Казахстана (рис. 1, 17–19) [Ченченкова, 1995, с. 222–226]. Западные связи могли обусловить и появление в Эрлитоу плоских бронзовых тесел, стамесок и шильев (рис. 1, 1, 2, 9–12) [Лоянская..., 1965, с. 222, табл. 5 (6, 7); 1974, с. 240, рис. 3 (1, 2); 1975, с. 304, рис. 4 (1, 2)], но эти орудия были распространены слишком широко, чтобы указать источник влияния. И все же материалы раскопок свидетельствуют, что процесс культурной трансформации, обусловивший специфику иньского комплекса лезвийных орудий, проходил вне среды эрлитоуского населения.

С.А. КОВАЛЕВСКИЙ

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЙ ОБРЯД ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ

Ирменская культура среди археологических культур позднего бронзового века на территории Западной Сибири изучена наиболее полно. Достаточно репрезентатив-

ный свод источников по этой культуре накоплен и по Кузнецкой котловине, на территории которой за 1960–1990-е гг. были исследованы пятнадцать курганных мо-

ЛИТЕРАТУРА

- Бадер О.Н. 1964. Древнейшие металлурги Приуралья. М. 176 с.;
- Варенов А.В., 1987. Древнейшие кинжалы Китая // ИСОАН. Серия истории, филологии и философии. № 10. Вып. 2. С. 34-41;
- Варенов А.В., 1989. Древнекитайский комплекс вооружения эпохи развитой бронзы. Новосибирск. 91 с.;
- Варенов А.В. 1989а. Копья иньского времени и выявление инокультурных памятников. Новосибирск. 20 с.;
- Варенов А. В., 1993. История изучения оружия эпохи Шан-Инь, Новосибирск. 28 с.;
- Варенов А.В. 1996. Чжукайгоу – памятник эпохи Шан из Ордоса с «карасук-тагарским» кинжалом // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. С. 97-102;
- Васильев Л.С. 1976. Проблемы генезиса китайской цивилизации. Формирование основ материальной культуры и этноса. М. 368 с.
- Киселев С.В. 1960. Неолит и бронзовый век Китая // СА. №4. С. 224-266;
- Матющенко В.И., Синицына Г.В. 1988. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск. 135 с.
- Теплоухов Ф.А. 1892. Вещественные памятники каменного и бронзового периодов в западной части Пермской губернии // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Том 1.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М. 320 с.;
- Линь Юнь, 1990 – Переоценка взаимосвязей между бронзовыми изделиями шанской культуры и северной зоны // Китай в эпоху древности. Новосибирск. С. 29-45 (История и культура Востока Азии);
- Ченченкова О.П. Древняя скульптура Западной Сибири. Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. СПб. (в рукописи).
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М. 320 с.;
- А. Ковалефу, 1998. Шан-Инь шидай цзиньгун у ци бэйфан син цзунхэ дэ цзучэн (Комплексное формирование наступательного вооружения эпохи Шан-Инь под воздействием северных типов) // Иньсюй фацзюэ 70 чжоунянь сюэшу цзинянь хуй луньвэнь (Доклады юбилейного научного симпозиума, посвященного 70-летию раскопок Иньсюй. Пекин. С. 76-77;
- Кун Дэмин, Чжан Сяоцин, 1995. Аньян ши боугуань цзан. Иньсюй цинтун шэнчань гунцзю сюань цзе цзи цянъ си (Хранилища Аньянского музея. Представление и элементарный анализ избранных бронзовых орудий труда с Иньского городища) // Чжунъюань вэньу. № 4. С. 107-110;
- Ли Вэймин, 1988. Цзянь лунь Шан дай цинтун дао (Кратко о бронзовых ножах эпохи Шан) // Чжунъюань вэньу. № 2. С. 42-47;
- Ли Цзи. 1949. Цзи Сяотунь чуту чжи цинтун ци. Чжун пянъ. Фэнжэнь ци. (О бронзовых изделиях, найденных в Сяотуни. Часть вторая. Лезвийные орудия.) // Чжунго каогу сюэбао. Том 4. С. 1-65;
- Линь Юнь, 1987. Шан вэньхуа цинтун ци ю бэйфан дицю цинтун ци гуаньси чжи цзай яньцзю (Рассмотрение вновь [вопроса] о взаимосвязях между бронзами культуры Шан и северной зоны) // Каогусюэ вэньхуа вэньцзи. Пекин. С. 129-155.
- У Энь, 1985. Инь чжи Чжоу чу дэ бэйфан цинтун ци (Бронзы северной окраины начиная с периода Инь до начала Западного Чжоу) // Каогу сюэбао. № 2. С. 135-156;
- Хай Дуаньчжи, 1994. 1988-1992 цюань шэн вэньу гунцзо даши цзи (Записи об основных достижениях работы в области культурного наследия в провинции на протяжении 1988-1992 годов) // Цинхай вэньу. Выпуск 8 (новая серия). С. 136-139;

- Хаяси Минао. 1972. Тюгоку Ин-Сю дзидай-но буки (Китайское оружие эпох Инь-Чжоу). Киото. 644 с.;
- Цзи Найцзюнь, 1994. Шэньси Яньчан чуту и пи вань Шан цинтун ци (В Яньчане провинции Шэньси раскопаны бронзовые предметы позднешанского периода) // Каогу ю вэньу. № 2. С. 27, 28, 112;
- Цзоу Хэн, 1980. Ся Шан Чжоу каогусюэ пянь вэньцзи (Сборник статей по археологии Ся, Шан, Чжоу). Пекин. 367 с.;
- Чжу Фэнхань 1995. Гудай Чжунго цинтун ци (Бронзовые изделия Древнего Китая). Тяньцзинь. 1178 с.;
- Чжунго шэхуй кэсюэюань..., 1965. Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Лоян фацзюэ дуй. Хэнань Яньши Эрлитоу ичжи фацзюэ цзяньбао (Лоянская экспедиция Института археологии Китайской академии общественных наук. Краткое сообщение о раскопках памятника Эрлитоу в Яньши) // Каогу, № 5. С. 215-224;
- Чжунго шэхуй кэсюэюань..., 1974. Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Эрлитоу гунцзо дуй. Хэнань Яньши Эрлитоу цзао Шан гундянь ичжи фацзюэ цзяньбао (Эрлитоуская рабочая группа Института археологии Китайской академии общественных наук. Краткое сообщение о раскопках остатков раннешанского дворца в Эрлитоу, Яньши, провинция Хэнань) // Каогу, № 4. С. 234-248;
- Чжунго шэхуй кэсюэюань..., 1975. Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Эрлитоу гунцзо дуй. Хэнань Яньши Эрлитоу ичжи сань, ба цюй фацзюэ цзяньбао (Эрлитоуская рабочая группа Института археологии Китайской академии общественных наук. Краткое сообщение о полевых исследованиях раскопов 3, 8 на памятнике Эрлитоу в Яньши, провинция Хэнань) // Каогу, № 5. С. 302-309, 294;
- Чжунго шэхуй кэсюэюань..., 1983. Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Эрлитоу дуй. 1980 нянь чунь Хэнань Яньши Эрлитоу ичжи фацзюэ цзяньбао (Эрлитоуская экспедиция Института археологии Китайской академии общественных наук. Краткое сообщение о раскопках памятника Эрлитоу в Яньши, провинция Хэнань, весной 1980 года) // Каогу, № 3. С. 199-219;
- Чэнь Чжэнчжун. 1985. Во го гудай дэ цинтун сяодао (Древние бронзовые кривые ножи нашей страны) // Каогу ю вэньу. № 4. С. 72-80, 83;
- Debaine-Francfort C. 2001. Xinjiang and Northwestern China around 1000 BC. Cultural Contacts and Transmissions // Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vor- und zentralasiatischen Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Acten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23. bis 26. November 1999. Herausgegeben von Ricardo Eichmann und Hermann Parzinger. Bonn. S. 57-70;
- Fitzgerald-Huber L.G. 1995. Qijia and Erlitou: the Question of Contacts with Distant Cultures // Early China. Vol. 20. P. 17-67;
- Kovalev A. 1992. "Karasuk-Dolche", Hirschsteine und die Nomaden der chinesischen Annalen im Altertum // Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Graberfeld in der Ordos-region (Innere Mongolei) / Nach der Veröffentlichung von Tian Guanjin und Guo Suxin beschr. und komm. T.O.Hollmann und G.W.Kossack u. Mitarb.. Mainz am Rein (Materialien zur Allgemeine und Vergleichende Archaologie. Bd. 50). S. ???.
- Linduff K.M. 1995. Zhukaigou, steppe culture, and the rise of Chinese civilization // Antiquity. № 69. 1995. P. 133-145;
- Linduff K.M. 1996. Art and Identity: The Chinese and Their "Significant Others" in the Third and Second Millennium BC // Cultural Contact, History and Ethnicity in Inner Asia. Papers presented at the Central and Inner Asia Seminar. University of Toronto. March 4, 1994 and March 3, 1995. Edited by Michael Gervers and Wayne Schlepp // Toronto Studies in Central and Inner Asia. Acta. № 2. P. 12-48;
- Loehr M. 1956. Chinese Bronze Age Weapons. Ann Arbor. 233 p.
- Wagner M. 2001. Kayue – ein Fundkomplex des 2. Jahrtausends v. Chr. Am Nordwestrand des chinesischen Zentralreiches // Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vor- und

zentralasiatischen Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Acten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23. bis 26. November 1999. Herausgegeben von Ricardo Eichmann und Hermann Parzinger. Bonn. S. 38-56;

Wu En 2001. Zu verschiedenen Problemen der Bronzezeitkulturen entlang der Grossen Mauer // Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vor- und zentralasiatischen Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Acten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23. bis 26. November 1999. Herausgegeben von Ricardo Eichmann und Hermann Parzinger. Bonn. S. 25-35.